

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

В Л И Т В Е

Всеволод
ИВАНОВ

Давняя дружба связывает писателей России с нашей республикой. В разные годы известные московские литераторы в качестве корреспондентов центральных газет, журналов посещали Литву, чтобы рассказать широкой читательской аудитории Страны Советов о людях Неманского края, о борьбе его народа за свою свободу и счастье, о грандиозных преобразованиях, совершенных трудящимися республики под руководством Коммунистической партии. Многие корреспонденции, очерки, воспоминания уже стали достоянием истории. Но прочитанные сегодня заново, доносят до нас жаркое дыхание минувших дней, неповторимые приметы времени, яркие детали событий, воскрешают славные страницы летописи борьбы и труда литовского народа.

Сейчас, в преддверии 40-летия восстановления Советской власти в Литве, с особым интересом воспринимаются свидетельства наших добрых друзей — московских писателей и журналистов, которые на страницах периодических изданий делились с читателями своими непосредственными впечатлениями о событиях, связанных с передачей Советским Союзом в 1939 году Вильнюса и Вильнюсской области Литовской республике, о памятных июльских днях восстановления Советской власти в Литве.

Редакция вводит рубрику «НАШИ ПУБЛИКАЦИИ», под которой будут печататься статьи, очерки, корреспонденции из центральных газет и журналов 1940 года. Сегодня публикуется очерк выдающегося советского писателя Всеволода Иванова, рассказывающий о поездке делегаций советских журналистов в Литву в 1937 году, напечатанный в «Литературной газете» 28 июля 1940 года — через неделю после того, как Народный сейм, выражая единую волю свободного трудового народа Литвы, провозгласил Литву Советской Социалистической Республикой.

Три года назад, вот в такие же жаркие летние дни, я, поэт, Н. Тихонов и несколько советских журналистов посетили страну Прибалтики. Так как официально мы считались гостями правительства, то, естественно, видели только то, что желало правительство, т. е. весьма многое, главным образом музеи и старинные замки, не считая, конечно, бесчисленных обедов.

Но так как в составе делегации находились писатели, то как ни старались правители, они не смогли отсечь и убрать от нас писателей. И вот через этих писателей, настроенных к нам чрезвычайно дружески, мы услышали голос народа, узнали о жизни кое-что помимо банкетов, кое-что помимо речей чиновников.

На литовской границе в наш вагон входит группа писателей. В руках у Людаса Гиры букет красных роз. Когда в купе мы остаемся одни, он говорит:

— Литовцы не имеют возможности встретить вас так, как бы им хотелось. Но мы верим в лучшие времена, и в знак этой веры примите эти розы.

Поезд подходит к Каунасу. — Полиция заставляет нас молчать, — говорит Людас Гира. — Однако вы увидите лицо литовской интеллигенции и то чувство, которое она питает к советскому народу. Взгляните. Мы выглянули на перрон. Он был буквально залит народом. Отчетливо было можно разглядеть горячие, но безмолвные лица.

Один из литовских писателей взял по розе и вложил их нам в петлицы.

— Так мы условились — сказал он. — Чтобы вас можно было узнать.

Народ стоял плечо в плечо, плотно и безмолвно, так что наши голоса, когда мы вышли из вагона, отчетливо разносились по всему перрону, и казалось, что в поезде, кроме вас, никто не приехал.

И вдруг опять безмолвно вся эта плотная толпа народа, в которую, думалось, нельзя и руку просунуть, подчиняясь чьему-то тихому и короткому слову, раздвинулась, образуя широкий проход, и мы безмолвно прошли сквозь молчащую, но, чувствовалось, необычайно дружелюбно настроенную толпу на площадь.

На площади такая же толпа — опять безмолвная и ожидающая.

Кто-то махнул рукой: Толпа раздвинулась, пропуская друзей, и мы подходим к автомобилям.

Признаться, эта безмолвная встреча, в которой ощущалась необычайная торжественность, очень взволновала нас.

Но вторая встреча заставила нас пролить слезы.

Когда мы вошли в зал ресторана, весь зал был битком набит посетителями.

— Однако у вас рано начинают веселиться, — сказал я шутя.

— Это встречают вас, — ответил Людас Гира. — Да вы бы увидите, как бы полиция ни старалась сделать так, чтобы вы ничего не увидели.

И точно, мы увидели.

Джаз вдруг заиграл «Широка страна моя родная».

И тут же собравшиеся в большом зале внезапно повернулись к нам и аплодировали. Как они аплодировали! Они действительно аплодировали хорошей и родной стране, ее полям и рекам, ее замечательному и мужественному народу, ее будущему — и своему будущему! Видеть этих людей, принимающих эти аплодисменты, чувствовать наступавшую дружбу было необычайно приятно, и те слезы, которые тогда пролили мы, запомнятся на всю жизнь.

Каждые полчаса у нас были на учете: или банкет, или посещение какой-либо достопримечательности. Все время расписано, и расписано не нами, а чиновниками из Министерства иностранных дел.

На первый же банкет, устроенный Министерством иностранных дел, литовские писатели не были приглашены. Тогда они, придравшись к этому случаю, заявили в министерстве, что так как в составе делегации советских журналистов есть два писателя, то они желали бы устроить встречу с этими писателями.

Долгие дипломатические переговоры. Помилуйте: расписание составлено, согласовано чуть ли не с президентом, а тут — встреча вне расписания!

Наконец, между вторым завтраком, обедом и посещением боен выкроили сорок минут, и мы собрались в маленькую комнатку, чтобы поговорить наконец о литературе.

Но времени — только сорок минут. А писателей пришло человек тридцать. Со всеми переговорить не успеешь, возможно, много времени уйдет на пустяки. И тогда решили

поступить так: отобрали от всех групп — критиков, поэтов, прозаиков — наиболее разнообразные индивидуальности, и каждому из них было разрешено говорить со мной или Н. Тихоновым только пять минут. В течение этих пяти минут писатель должен был высказать все, что волновало его, все, на что он хотел получить ответ.

Тяжелые и горькие были эти пять минут жизни, услышанной нами!

Книги не издают, а если и издают, то писатели не имеют возможности существовать на литературный гонорар. Гонорар мизерный настолько, что ни один писатель не живет литературным трудом: или служат, или зарабатывают деньги по другому способу, обогащаясь, может быть, жизненным опытом, но отнюдь не способствующему литературным занятиям.

Людас Гира выпускает два раза в месяц газету «Литературные новости». Мы увидели номер, посвященный юбилею А. С. Пушкина. Номер огромный, страниц на двадцать большого формата. Весь номер заполнен бесплатным материалом — гонорара платить нечем, так как если платить гонорар, то газета выходить не может: не окупит себя. Тиражи книг не превышают двух, от силы трех тысяч, и второй тираж, как правило, не выходит.

И помимо всего этого — цензура, кнут, поповщина, реакция, шовинизм...

Ночь. Площадь перед музеем. Кресты высокие, узорные, возле могилы «Неизвестного солдата». Часовой у башни. Часы бьют полночь.

Предусмотрительный председатель нашей делегации увел вперед чиновников из Министерства иностранных дел. Возле нас осталось несколько писателей. Опять рассказы, разговоры о советской литературе, которую они знают прекрасно.

И внезапно один из писателей громким голосом поет:

И с нами Ворошилов,
Первый красный офицер,
Готовый кровь пролить за СССР!

— Помилуйте, голубчик, — говорю я писателю, — ведь вы сейчас распрашиваетесь с нами, и, возможно, навсегда. На улице как будто никого нет, но шипки, насколько мне известно, здесь опытные.

— Плевать! — восклицает писатель. — За сочувствие коммунистам дают восемь лет каторги. Плевать! Не могу поверить, чтобы мне пришлось сидеть восемь лет! Уверен, что свобода придет раньше!

Он был прав, этот хороший литовский писатель. Прошло только три года, и литовский народ сверг ненавистное иго.

Впервые я услышал об этом на площади Льюва возле памятника А. Мицкевичу. У синего рупора собралась оживленная большая толпа. Она слушала известия из Москвы. Был ясный летний день. Над Льювом только что пронеслась гроза, и блестящие синие тучи уходили за Высокий Замок. В ручьях, текущих возле бульвара, играло солнце. Круглый коричневый столб памятника был мокр и весь горел, казалось.

Рупор говорил об освобождении, о радости литовского народа!

И вспомнилось мне — поезд, розы, толпа на перроне и эта песня в зале ресторана, и на душе стало так легко и приятно, как тогда, когда я слушал эту песню и сам подпевал, как умел.